

РАЗВОРОТ

— **Есть ли шанс перестать быть странной, которая зависит преимущественно от продажи углеводородов?**

Михаил Хазин:

— При чём здесь цена на углеводороды? Ситуация работает по-другому. Элита считает, что она определяет и правила игры, и, соответственно, как должны распределяться активы.

Сергей Переслегин:

— Если государство имеет дешёвый и удобный для продажи ресурс, было бы странно думать, что оно откажется от продажи.

Мы тоже будем участвовать в игре по шестому технологическому укладу. Но на каких условиях, это вопрос. Здесь было сказано, что никто не хочет менять модель. Почему? Всё очень просто. Количество моделей невелико. В мире наблюдается нехватка концепций развития, концепций экономики. Все держатся за старую модель, понимая, что если сменить её на такую же старую, то потрясений будет много. А самое главное — равные позиции преобразуются в равные: мы будем иметь другие проблемы, но в точно таком же масштабе.

Сейчас в мире идёт конкурс новых концепций. В нём пока впереди всех США, а не Европа, не Россия, не Китай или Индия. И пугать нас должно не технологическое отставание, а отставание в концепции.

Михаил Делягин:

— Мы можем договариваться о чём угодно. Если мы с какой-либо элитой договоримся о времени наступления рассвета, даже если будет полный консенсус, рассвет всё равно настанет по своему расписанию.

Проблемы «слезания» с сырьевой иглы в экономическом плане не существует. Это проблема мотивации государства, чего оно хочет. Удивительная машина государство — оно по-честному решает задачи, которые поставило перед собой. Кривенько, на «троечку», с издержками, не в те сроки, но решает. Но если эта машина для разрушения и разворовывания, то она не будет решать задачи развития. Просто потому, что это не её задача. Машина ездит, она не бурит. Отвёрткой можно забить гвоздь, но молотком вывинтить шуруп невозможно. Это вопрос смены мотивации общества и модели развития.

Но есть проблема мира. Это создание новых технологий. Это не рыночное и антидемократическое занятие. Прогресс — это станки вместо масла и лаборатории вместо масла. Ни один человек не откажется от сегодняшнего потребления ради завтрашних непонятных благ.

Что нас ждёт, какие будут позитивные перспективы? Глобальный рынок распадается. Когда этот процесс завершится, это будет срыв в глобальную депрессию. Разрыв мира на эти куски, с одной стороны, спровоцирует страшную ситуацию: технологии создавались в монопольной логике. А монополии зарабатывают на завышении издержек. Поэтому сегодняшние технологии избыточно сложны. Соответственно, избыточно дороги. Поэтому для многих из них не будет рынков сбыта, не будет должного количества потребителей. Это будет касаться и технологий жизнеобеспечения. Уже не получается создать новое поколение антибиотиков, которое жизненно необходимо.

Возникнет ситуация, грозящая технологическим коллапсом. И здесь у России неожиданно возникает конкурентное преимущество. Наша страна была единственным местом в мире, где суще-

ствовало такое явление, как военно-промышленный комплекс. В силу чудовищной неэффективности управления это было единственное место в мире, где огромные деньги выделялись на исследование, грубо говоря, просто так. Без гарантированного результата. В итоге было создано большое количество странных технологий, которые отличались примитивностью, соответственно, дешевизной и высокой производительностью. Внедрять их в нормальной монополизированной экономике сейчас нельзя.

Что значит лазерное упрочнение рельсов, которое повышает цену на 10% и снижает износ на 30%? Это значит, что больше половины рельсоделательной промышленности надо отнести на помойку вместе с рабочими, профсоюзами, бизнесменами, политиками и налогами. Это невозможно, поэтому блокировалось и на Западе, и у нас.

Но технологии жили в порах общества, это элемент нашей культуры. Если мы сохранимся как общество, которое способно задумываться о себе, то получим хорошее конкурентное преимущество.

Плохая новость в том, что создаётся новая реальность, которой люди не нужны. Когда лишние люди становятся глобальной проблемой. Сейчас есть две модели — утилизация населения для неразвитых стран (физическая в ходе «арабской весны»), а для развитых стран — через виртуальную реальность. Когда получаете капсульную квартиру, виртуальную реальность, через которую люди получают лучшие эмоции, чем в реальной жизни, и продовольственный паёк, который позволяет тихо просуществовать какое-то время. И, наверное, через некоторое время людей научатся использовать.

Проблема в том, что знания не живут в резервации. Тайное знание умирает всегда. Примерами этого пестрит история. Поэтому если ситуация, когда людей будут засовывать в виртуальную реальность, реализуется, то человечество рассыплется. Это будет новый кризис, сопоставимый с неолитическим по своим последствиям.

Есть выход, с которым не справился СССР: заставить людей заниматься самосовершенствованием и превратить это в занятие для человека. Как это сделать, пока неизвестно, и даже нет постановки такой задачи. Потому что это не является задачей для бизнеса.

При этом, как сказано в известном фильме, «захочешь жить — не так раскорячишься». И это наша перспектива, потому что из относительно крупных обществ мы единственные сочетаем три элемента культуры: мы склонны к технологиям, к гуманизму и при этом ещё и мессiane. Нам мало видеть истину, мы должны нести её всем остальным, иначе чувствуем себя социально неполноценными. И это наше конкурентное преимущество.

— **Можете ли вы сформулировать несколько необходимых решений для принятия правительством РФ, которые приведут к существенно-му росту экономики, в том числе на уровне региона?**

Михаил Хазин:

— Очень трудно объяснить сегодня, какой источник роста. Иностран-ных инвестиций не будет, а внутренние инвестиции, рублёвые, Центробанком запрещены. По этой причине единственный источник развития — это местная территория. И вот тут есть способ сделать так, чтобы город сам стал для себя

источником рабочих мест. В Перми не нужно увеличивать население в три с лишним раза. Миллион человек уже есть. По этой причине это возможно.

Если очень условно, то это создание городской среды, при которой образуется самоподдерживающая система работы людей друг на друга. Это требует некоторого объёма инвестиций, но много меньше, чем некоторые думают. Ключевой момент — это вовлечённость собственного населения в эти процессы.

Другое дело, что в России нет городов в западном понимании этого слова. Все крупные города советских времён — это набор заводских посёлков. И по этой причине ничего не связано, нет городской жизни. Таких центров, как Пермский оперный театр, в городе такого масштаба должно быть даже не 10 и не 20, а 300–400. Они могут быть неизвестны за пределами региона, но внутри они должны быть популярны. Как только появляется такая культурная городская среда, она немедленно начинает поддерживать аналогичную ситуацию в городах-спутниках. В том же Кудымкаре. Без этого не получится ничего.

Мне кажется, что это ключевой момент, которым сегодня стоит заняться, независимо от экономического роста. Предложить этот проект городу, в котором живёт полмиллиона человек, не получится. Критическое значение — 800 тыс. человек населения. У вас получится. Но если ничего не делать, то под лежащий камень вода не течёт.

Сергей Переслегин:

— Как известно, недостатки, как и достоинства, российских законов полностью нивелируются абсолютной необязательностью исполнения. Россия имеет два любопытных закона — 172-ФЗ о стратегическом планировании и 131-ФЗ о местном самоуправлении. Они образуют очень интересное внутреннее противоречие, но с ними работать можно. К большому сожалению, ни тот, ни другой толком не используются.

Надо, чтобы эти законы работали не только на уровне края, но и на уровне муниципальных образований, как то законом и требуется. Муниципалитеты говорят, что для этого нет бюджетирования. Но они ведь даже не пытаются. Между тем по схеме закона можно отлично получить выход на бюджетирование, если будет обоснована необходимость выделения финансов на решение определённых проблем. Государственный механизм на то и механизм, чтобы работать по определённому алгоритму. Деньги это небольшие, по ним легко отчитаться, поэтому их выделяют.

Муниципальные образования должны начать что-то делать.

Второе. Конечно, ЦБ ничего не даст, но человечество не зря изобрело биткойн и другие криптовалюты. Разумеется, ЦБ объявляет их вне закона. Но уже сейчас не так ярко, как год назад. В мире этот способ финансирования должен быть поддержан, и нам тоже придётся. Как только у вас появляется принципиально другой вид денег, многие существующие законы начинают работать по-другому. Например, облегчается возможность использования миноритарных денег. Их довольно много, и пока никто не наложил на них лапу. Этот механизм нужно развивать всеми возможными способами.

Третий путь совсем простой — надо начинать с КУБа. Потому что плохие результаты дают рост быстрее всего, и это сразу становится заметным.

Чтобы жили рабочие посёлки, они должны работать. Нужно найти способ вложения в эту территорию любой реальной деятельности. Она наверняка будет не рыночной. Но мы говорили о том, что мировые рынки находятся в кризисе и, скорее всего, его не переживут. Это означает, что автаркизация, натурализация экономики и перевод её в режим хозяйствования является хорошей страховой возможностью. А может, и мейнстримом.

Можно сделать замкнутые системы для очень малых поселений. Но для этого нужен другой подход. Термин «кластер» начинает пониматься иначе, чем раньше. В России можно очень интересно выстраивать бизнес вокруг крупных производств через локальную кластеризацию. Возможно, в этом и будет основное решение.

Всё зависит от того, насколько энергично будут действовать муниципалитеты, чтобы кластеры были на их территории, а не за пределами региона, в той же Удмуртии, которая готова играть на этом рынке. И они очень интересные вещи через «юберизацию» своей экономики собираются делать уже сейчас. У них есть красивый проект, который называется «сетевой завод».

Пермский край должен начать с возрождения нормального судоходства по Каме и тем самым вернуть себе работу с внутренними водными путями.

Михаил Делягин:

— Самыми сильными впечатлениями были заброшенные и забытые фанерой прекрасные четырёхэтажные дома с высокими потолками у вас в центре города над Камой.

Речь идёт о том, что делать региональным властям, а не региональному бизнесу. Это разные проблемы. Одним надо советовать, как собирать налоги, другим — как оптимизировать налоговую базу.

Развитие сегодня возможно в режиме партизанской борьбы против макроэкономической политики. Это не означает, что не нужно сотрудничать. Нужно обязательно. Можно просить, можно выбивать и вовлекаться в какие-то проекты.

Первая задача — это технологии, самые разные. Наша прелесть в нашей отсталости. То, что в мире является всем надоевшим скучной забытой азбуккой, мы очень часто просто не знаем. Например, электронная система принятия решений применяется в России в большом количестве корпораций, во внутреннем обороте. В фирмах это резко повышает эффективность. Это неизбежно повышает эффективность и в любой системе управления.

Кроме того, поиск технологий. «Зачистка» посредников в дорожном строительстве снижает себестоимость в три раза.

Бизнес нужно строить для своих, а не для чужих. Замыкать технологические потоки внутри. Чтобы привлекать чужие деньги, надо создать легенду. Большое количество бизнеса собирает деньги через интернет. И на какие-то социально значимые проекты деньги может собирать не только бизнес, но и какие-то органы власти. Просто нужна фантазия.

Самый страшный дефицит, который существует сегодня на федеральном уровне, — это не дефицит возможности украсть. С этим всё хорошо. Это дефицит позитивных примеров, которыми можно похвастаться. Только надо привлекать своих ребят, а не приглашать жуликов из Москвы.